

Смирнов Максим Валерьевич

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ В МАРКСИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ ИСТОРИКО-ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ДИСКУРСИВНОСТИ

Статья посвящена проблеме отчуждения и его осмысления в области марксистской диалектико-философской традиции. Показано, в каком контексте развивается и с какими теоретическими трудностями сталкивается марксистская традиция в своем восхождении от классического марксизма к постструктуралистским и конструктивистским представлениям. Анализируется логика развития марксистской традиции по отношению к своей нетождественности идеалистической традиции Гегеля, а также актуальность марксистского "антитезиса" в современной социальной действительности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 214-218. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 101.1:316

Философские науки

Статья посвящена проблеме отчуждения и его осмысления в области марксистской диалектико-философской традиции. Показано, в каком контексте развивается и с какими теоретическими трудностями сталкивается марксистская традиция в своем восхождении от классического марксизма к постструктуралистским и конструктивистским представлениям. Анализируется логика развития марксистской традиции по отношению к своей нетождественности идеалистической традиции Гегеля, а также актуальность марксистского «антитезиса» в современной социальной действительности.

Ключевые слова и фразы: историко-диалектический дискурс; номиналистская традиция; социальное отчуждение; антитезис; дискурс-анализ; постструктурализм; шизоанализ.

Смирнов Максим Валерьевич*Череповецкий государственный университет**chsu@chsu.ru***ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ В МАРКСИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ
ИСТОРИКО-ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ДИСКУРСИВНОСТИ**

Двадцатое столетие в истории мировой интеллектуальной мысли было отмечено ренессансом философии Гегеля. Этому способствовали как его прямые последователи – неогегельянское движение конца XIX – начала XX в. и французские неогегельянцы первой половины – середины XX века, так и переосмысление Гегеля в левой среде европейских интеллектуалов – от нео- и постмарксистов до теоретиков психоанализа.

Сегодня, оглядывая становление всей предыдущей западноевропейской философии, можно говорить о нескольких векторах ее развития, одним из которых стала философия Гегеля, переросшая в целую историко-диалектическую традицию осмысления действительности, став для многих поколений мыслителей трансдискурсивным фундаментом, исчерпывающим собой возможности определенного рода мышления.

Этот особый, диалектический стиль мышления, как и весь историко-диалектический нарратив восхождения мирового духа, стало принято маркировать понятием «метафизика». Под метафизикой философии Гегеля принято считать логоцентричность его системы, которая охватывает и включает в себя все сущее в его становлении. Для многих континентальных философских направлений (философия жизни, экзистенциализм), не говоря уже об аналитической философии, мысль Гегеля, как и вся последующая дискурсивная традиция развития его системы и подхода, является предельным воплощением логоса – того, до чего могла дорасти в своих пределах греческая мысль. Однако эта мысль может оперировать только определенными понятиями, формализуя наличную данность, вводя в систему взаимообусловленностей и опосредований все ее феномены. Таковой оказалась и судьба бытия, «овеществленного» Гегелем. Кроме того, определенный пласт человеческого существования оказался выключен из гегелевской системы, что прекрасно показал, например, Ж. Батай, говоря о смехе, экстазе, поэзии и т.д. [3, с. 206].

Однако следует заметить, что первую ревизию гегелевской «метафизики» произвели уже младогегельянцы, представителем которых был К. Маркс. Сформировав свою «научную теорию», он тем самым дал начало левой, марксистской традиции историко-диалектической дискурсивности.

Проблема отчуждения в марксистской теории носит, в отличие от утилитарной функции опосредования в развитии мирового духа, вполне конкретный социально-экономический характер и связана с конкретным человеком как родовым существом.

Целью данного исследования является анализ репрезентации проблемы отчуждения в рамках марксистской традиции историко-диалектической дискурсивности, а также выделение логики развития этой традиции по отношению к идеалистической традиции Гегеля.

Исследованием ставится задача охарактеризовать «места и моменты» принципиальной нетождественности марксистской «номиналистской» традиции и идеалистической традиции Гегеля. Кроме того, следует ответить на вопрос: в чем марксистская мысль и ее репрезентация проблемы отчуждения остается актуальной и по сей день?

Прежде чем переходить к исследованию «разрыва», следует заметить, что проблема отчуждения, несмотря на различные стили своей рефлексии, точки зрения и углы обзора, является ключевым моментом всей историко-диалектической дискурсивности в европейской философии. Именно поэтому многие направления интеллектуальной мысли, оказавшись втянутыми в орбиту влияния диалектической логики Гегеля, приобрели социально-практическую ориентацию. В первую очередь, это касается неогегельянства, марксизма и психоанализа, их структуралистских и постструктуралистских версий.

Категория отчуждения, наряду с отрицанием и становлением, в историко-диалектическом дискурсе играет центральную роль. Однако то место, которое она занимает в процессе опосредований и переходов, те факторы, которые формируют и сопутствуют ее проявлению, а также ее телеологическая природа и сущность по-разному интерпретируются агентами этого дискурса.

По аналогии с онтологическими позициями, отстаиваемыми в споре об универсалиях, в рамках историко-диалектической трансдискурсивности можно выделить идеалистический дискурс, представленный полнотой гегелевской метафизики, и дискурс номинализма, положенный критической рефлексией К. Маркса и его диалектическим материализмом.

Важнейшими произведениями номиналистского дискурса осмысления проблемы отчуждения являются «Экономическо-философские рукописи» 1844 года и «Немецкая идеология» К. Маркса и Ф. Энгельса. Подвергнув критическому переосмыслению гегелевскую систему, К. Маркс транслировал ее негативную часть в область социальной практики, где разворачивается антагонистическая борьба. В своих «Экономическо-философских рукописях» немецкий мыслитель, следуя Л. Фейербаху, отвергает «абстрактную надстройку» в гегелевской диалектике, которая выражается измерением синтеза или отрицания отрицания, и отдает свое предпочтение исключительно антитезису как чистой форме отрицания [6, с. 154].

Номиналистский дискурс историко-диалектической трансдискурсивности был сформирован на основе марксистского антитезиса и в настоящее время, в своем последовательном пределе, перешел от марксизма на постструктуралистские и конструктивистские рельсы. Этой традиции стали близки представления как о смерти субъекта, так и о смерти «социального». Последовательная критика гегелевской «метафизики» переросла в отрицание гегелевской диалектики целиком и полностью.

Начало номиналистской традиции положено атеистическим и социальным гуманизмом Л. Фейербаха и К. Маркса. Последовательное развитие этой линии опирается на теорию Франкфуртской школы и, в большей мере, «Негативную диалектику» Т. Адорно. Во второй половине XX века теорию раннего К. Маркса и «номинализм» Франкфуртской школы продолжил развивать постструктурализм «новых левых» (Ж. Делез, Ф. Гваттари, М. Хардт, А. Негри). Особым образом к этой традиции примыкают концепция «опредмечивания» Д. Лукача, «фетишизм» Д. Бенсаида, «структурный» марксизм Л. Альтюссера.

Антропологический базис номиналистского дискурса держится на секуляризованном представлении о родо-материальном человеке, чья природа – это «чувственность». Сознание здесь тождественно природе, а «самосознание есть качество человеческой природы», а не наоборот [Там же, с. 160].

Весь процесс диалектического восхождения для К. Маркса связан с его пребыванием в сознании, находящемся в плену абстракции. Противоположность абстракции – природа, которая и является всеобъемлющей материей. Поэтому для номиналистской традиции важно отчуждение человеческой сущности в целом, а не только самосознания.

Можно сказать, что утверждением, положившим начало номиналистской традиции, является характеристика К. Маркса, которую он дает гегелевской отрицательно-диалектической стороне логического: «...он снимает бесконечное и полагает действительное, чувственное, реальное, конечное, особенное» [Там же, с. 154]. Чувственное и особенное – две категории, составляющие «программную» сущность номиналистского дискурса.

К. Марксу претит абстрактная, спекулятивная сторона логического потому, что она и представляет собой отчуждение человека от себя, своей действительной «чувственной» природы, от своей родовой сущности. Кроме того, идеалистическая ветвь гегельянства рассматривает отчуждение как с положительной, так и с отрицательной стороны. Материалистическая – исключительно с отрицательной.

Абсолютный дух и его институциональная основа отчуждают сущностные силы человека, опредмечивают их. Предметный мир становится отчужденным от человека, каким он только по своей природе и может быть.

Здесь стоит заметить, что процесс опредмечивания для Гегеля имел свою позитивную сторону, К. Маркс же видит в самой предметности «отчужденное, не соответствующее человеческой сущности (самосознанию) отношение человека» [Там же, с. 160]. Но, что важно для обоих, предметность – отношение объективное. Этим утверждается самоотчуждение человека, объективно полагающего внешний, господствующий над ним предметный мир.

Все есть предмет. Само самосознание, снимающее предмет сознания, в состоянии подойти к абстрактному отрицанию предметности, но снять ее как таковую не может. Проблема для К. Маркса решается присвоением предметной сущности путем снятия ее отчуждения.

Фундаментально-антропологическое отчуждение связано с коллективистской интерпретацией «первородного» отчуждения, задействованного в идеалистическом дискурсе. Однако отчуждению здесь подвергается не желание, а сущностные силы, принимающие предметную форму, и, как следствие, «утрата порожденного человеком предметного мира» [Там же, с. 169]. Отчуждение сущностных сил и предметного мира человека развивается в ходе истории через объективные акты.

Так, в условиях определенного объективного контекста продукт труда для индивида становится чуждым ему. Отчуждение предметности человеческой деятельности ведет к усилению внешнего предметного мира и обеднению его внутреннего мира, предельным воплощением чего обладает капитализм. В нем опредмечивание приобретает специфическую форму «овеществления» социальных отношений в целом [9, с. 162].

Диалектическому мышлению свойственно целеполагание. Только человек делает свою жизнедеятельность «предметом своей воли и своего сознания». Только человек, как сознательное существо, превращает «свою жизнедеятельность... только лишь в средство для поддержания своего существования». Поэтому и «частная собственность воплощается в самом человеке, и сам человек признается ее сущностью» [6, с. 109].

Таким образом, «какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством – совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят» [7, с. 19]. Следовательно, «определенный способ деятельности индивидов, определенный

вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни» формируют способ производства. Так возникает детерминизм, обуславливающий жизнедеятельность, способы коммуникации, символические практики последующих поколений. И в этом смысле человек теряет свою предметность как часть своей сущности, а сам предмет становится независимым и господствующим.

Если гуманистический императив К. Маркса стремился всеми силами, включая революционные методы, прорваться к целостной личности, находящейся в гармонии с природой, то внимание Т. Адорно было задержано на феномене «особенного» в его диалектическом измерении. Рассматривая историческую данность своего времени под коллективистской оптикой, он не мог не выступить против гегелевской «индивидуальности» как исключительно буржуазной категории. Поэтому и двойное отрицание (момент спекулятивной философии), вслед за К. Марксом, было подвергнуто критике за его сведение особенного ко всеобщему, вместе с утратой его содержания.

Категория особенного важна для теоретиков тем, что формирует идентичность социальных групп и акторов, которые в своем протесте против тотальности проявляют солидарность, к чему не предрасположена «буржуазная» категория индивидуальности.

Диалектика должна представлять собой некий «распад» [1, с. 134] налично-данного с высвобождением сущностных сил, гармонии, свободного времени и всего того подавленного и отчужденного, что рассмотрел основоположник диалектического материализма. «Негативная диалектика» формализует особенное, спасая его от диалектической тотальности, конечной целью чего является презентация его нетождественности.

Творчество Т. Адорно сильнее всего повлияло на изыскания французского постструктурализма, которые органично закрепились в номиналистском историко-диалектическом дискурсе.

Так, проблема тотализирующего разума, ставшая предметом осмысления постструктуралистов, была озвучена еще в трудах Т. Адорно. Поскольку он считал, что особенное всегда становится жертвой диалектики, а значит, и последовательно-логической человеческой мысли, постольку он фокусировал взгляд на эмансипационной природе искусства, через которое особенное выражает себя. Одной из таких форм эмансипации является поэзия.

При рассмотрении философии Т. Адорно становится понятно, что идеалистический дискурс предполагал общение с логосом, его очередное «метафизическое» постижение или прочтение. Номиналистский же дискурс, начиная с франкфуртского мыслителя, уходит от общения с языком и выражающей его речью, пытается его дезорганизовать или разрушить. И это притом, что оба дискурса видят в языке препятствие, отчуждение человека, а значит, и непосредственного врага.

Однако в измерении идеалистического дискурса проблема языка связана скорее с отдельным человеком – индивидуальностью, которая может, в случае психоаналитической практики, осознать и ослабить собственное отчужденное напряжение. В случае же диалектического номинализма языку приписывается роль предателя, который искажает и деформирует самые благие намерения, превращая их то в исторические трагедии, то в исторический фарс. А что самое главное – язык не оставляет никакой пощады «особенному», насмехаясь и не считаясь с его потребностями и действительной исторической природой.

Поэтому Т. Адорно приводит в пример творчество немецкого поэта Гельдерлина, сформировавшего свой уникальный тип письма на основе паратаксиса – способа построения речи через рядоположенность ее частей. Гельдерлин получил возможность изложения своего мироощущения наиболее аутентичным для себя образом. Для франкфуртского философа это надежда на возможность будущей эмансипации «особенного» из логической «тюрмы» языка.

В какой-то степени надежды философа были оправданы распространением в среде постструктуралистов шизофренического типа восприятия действительности и соответствующего ему типа письма, не считающегося с установленными границами логического дискурса.

Запоздалый, хотя и исторически параллельный, голос Г. Маркузе о потенциальной силе разума и остающейся надежде на «сосуществование» общего и особенного в едином универсуме [10, с. 327] не был услышан как следует. Тому содействовала и трагическая история XX века, похоронившая надежды на историческую позитивность разума и его прогресса.

Благодаря теории Франкфуртской школы, во многом обязанной критической реакции на диалектический логос, произошел выход на критическое осознание новых форм капиталистического угнетения и появление нового критического анализа, связанного отчасти и с лингвистическим поворотом, происходившим в гуманитарных дисциплинах, катализатором которого стали «новые левые».

Интенциональное развитие философии Т. Адорно по отношению к языку в рамках номиналистской традиции продолжил М. Фуко, развернувший теорию дискурса власти и знания. В результате вопрос о структурных силах экономического угнетения был заменен в левом интеллектуальном поле вопросами языка и интересубъективности, повествующими лишь о формах культурного угнетения. На этой основе впоследствии сформировался критический дискурс-анализ (КДА), исследующий властно-политическую и идеологическую природу дискурса. Появилась целая плеяда ученых, раскрывающая через дискурсивность сущность классовых антагонизмов.

В частности, Н. Фэрклоу, один из основателей КДА, развивая идею социокультурной детерминации дискурсов, писал, что «дискурсы как представления могут также распространяться в качестве новых образов жизни, новых идентичностей. Стало уже общим местом полагать, что новые экономические и социальные формации зависят от новых субъектов – например, “тейлоризм” как система производства и управления зависит от изменений в образе жизни, идентичности рабочих» [11].

Наиболее предельную позицию историко-диалектической трансдискурсивности заняла децентрированная и постлогическая теория Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Параллельно с этим ее содержание входит в пространство номиналистского дискурса тем, что представляет собой момент снятия субстанциональных элементов в психоанализе (например, таких как лакановский субъект).

Так, в отличие от психоаналитической модели З. Фрейда – Ж. Лакана (которая явилась предельной позицией в рамках идеалистического дискурса), представители французского постструктурализма не стали утруждать себя обоснованием наличия какой-либо субъектности, способной к историческому движению, а, по выражению С. Бенвенуто, «предоставили желанию абсолютную свободу» [4, с. 94]. Критике был подвержен как психоанализ, так и его идеалистический миф об Эдипе, навязывающий иерархический контекст и усиливающий структурную предзаданность, что само по себе только усиливает отчуждение индивида.

Ж. Делез и Ф. Гваттари не отвергают «эдиповы» формы угнетения при капитализме, но акцентируют внимание на самой буржуазной природе психоанализа и его встроенности в механизмы капиталистического подавления.

Великим достижением психоанализа было открытие бессознательного желającego производства. Однако «вместе с Эдипом это открытие было в скором времени затемнено новым идеализмом: бессознательное как завод было заменено неким античным театром; производственные единицы бессознательного были заменены представлением; а производящее бессознательное – бессознательным, которое не могло делать уже ничего, кроме как выражаться (миф, трагедия, сновидение...» [5, с. 47].

В отличие от лакановского акцента на невротиках, психотиках и истериках, как наиболее конформистских для дискурса подавляющей общественной формации психологических типов, Ж. Делез и Ф. Гваттари формируют антагонизм радикального шизофреника и реакционного параноика.

Шизофреническое (революционное) и параноическое (реакционное) инвестирования подсознательно присутствуют в любой «желающей машине» человека и толкают его на конформизм или отрицание по отношению к существующему общественному производству. Из этого следует, что всю тяжесть отчуждения испытывает шизофренический тип психологического отношения к действительности, хотя и парадоксальным образом ее сублимирующий благодаря своему расколотому и децентрированному сознанию, преодолевающему любые запреты и границы.

«Бредящий и желающий код демонстрирует необыкновенную подвижность» [Там же, с. 33], что является главной угрозой устоявшейся системе коммуникаций и дискурса.

Для общества жизненно важно подавлять желание и даже найти кое-что получше подавления – сделать так, чтобы подавление, иерархия и эксплуатация сами стали желанными.

Отсюда делается вывод, имеющий сходство с умозаключением М. Фуко, об отсутствии отчуждения в его классическом понимании. Сама эксплуатация переживалась рабочими как эротическое удовольствие, мазохистское или истерическое наслаждение от разрушения физического здоровья в шахтах или на фабриках или утрата персональной идентичности в анонимных трущобах [2, с. 42].

Вытеснение бессознательного революционного инвестирования желания было делегировано со стороны подавляющей общественной формации своей вытесняющей инстанции, своему главному реакционному агенту – семье [5, с. 191].

«Не психоанализ изобретает Эдипа. Но мать как симулякр территориальности, отец как симулякр деспотического закона и отделенное, расколотое, кастрированное Эго суть продукты капитализма» [Там же, с. 425].

Таким образом, психоанализ, подытоживают философы, «является не в меньшей степени, нежели бюрократический или военный аппарат, – механизмом поглощения прибавочной стоимости» [Там же, с. 492].

Если структурный психоанализ оставался в рамках буржуазной системы и занимал по отношению к ней конформистскую позицию, то постструктуралистский шизоанализ, сформированный Ж. Делезом и Ф. Гваттари, предоставлял желанию абсолютную свободу, не считающуюся с налично-данном положением вещей, порядком, общественной формацией. Свобода номинализма противопоставляется здесь идеалистическому «излечению».

Лакан наследует гегельянскую линию в том смысле, что его императивной целью становится создание сильного субъекта. Дело в том, что философия Ж. Делеза и Ф. Гваттари формирует автономные «острова» в рамках тотальности, выключенные из ее политической повседневности. Конечно, содержательное наполнение теории социального отчуждения растет, но вместе с тем усложняется и вопрос, связанный с противоречиями эмансипации и преодоления этого отчуждения. Интенция Ж. Лакана связана с поиском всеобщих предельных конститутивных начал, представляющих собой антропологическое ядро субъективности. Его философия должным образом не уделяет внимания исключительности шизофреников, репрессивности параноиков или несоответствию тем или иным онтологиям психотиков, однако она формирует общий фундамент, с позиции которого можно будет говорить о возобновлении отрицающей цикличности. В мире децентрированных и самодостаточных структур он производит мобилизацию разбитых остатков или «островов» тотальности с тем, чтобы наметить курс, оформить универсальное сомнение над устоявшимся дискурсом властных отношений.

Надо сказать, что гегелевский субъект действительно радикален в той степени, в которой, находясь в ситуации перманентного пульсирующего отрицания, снимает и воспроизводит одни и те же формы метафизической реальности. Г. Маркузе метко заметил здесь отсутствие объективности, независимой от индивида [8, с. 143]. Поэтому в рамках одного тотального универсума, охваченного историей, он не считается ни с кем и ни с чем, считая законы своего движения всеобщими и предзаданными любым его формам. При этом он представляет собой целостную «тотальность» всех его составляющих функций разума.

Постгегельянский, марксистский субъект имманентен, направлен в себя. Он стремится организовать гегемонию, сохранить статус-кво, подвергнуть сомнению свою природу и структурную природу своего разума. Свою активность он стремится проявить за рамками идеологии и метафизики, отрицая их целиком и полностью. Здесь и находит свое выражение «Великий Отказ» как нечто оппонирующее превосходящему измерению отрицания.

Два оптимистично-заряженных и по-своему революционных в отношении к налично-данной действительности историко-диалектических дискурса, несмотря на все свои онтологические и методологические расхождения, были близки тем не менее своими телеологическими представлениями о социальном прогрессе и ответственности капиталистического способа производства за развитие или усиление фундаментальной формы отчуждения индивида.

Вместе с тем дискурс номинализма довел до предела логику нивелирования философии к действительности. В самой действительности он оттолкнулся от единичного, особенного, что и дало основание говорить о научной формализации диалектического метода, который теперь с легкостью переходит как от абстрактного к конкретному, так и от конкретного к абстрактному.

Эта традиция, несмотря на все свои частные исторические девиации (присущие любой теории), остается актуальной и по сей день. Только марксистская традиция историко-диалектической дискурсивности, включившая в себя и представления о тотализирующем разуме, и о дискурсе власти, и о проблеме языка, а также о либидинальной подоплеке общественно-экономических интересов, смогла прорваться к осознанию и формализации проблемы отчуждения настолько, что перешла от радикального непринятия к пониманию всей глубины ее противоречивости.

Дискурс номинализма, положенный марксистской традицией, оставляет человечеству методологию радикального сомнения и дает возможность осознать всю глубину противоречивости социальной действительности, которая соткана не только из борьбы структур экономических интересов, но и из социокультурных, «лингво-либидинальных» проблем.

Свои очертания, наиболее полный критериальный комплекс опосредованности и обусловленностей отчуждение индивида находит именно в содержании этого дискурса.

Список источников

1. Адорно Т. Негативная диалектика / пер. с нем. Е. Л. Петренко. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
2. Андерсон П. Истоки постмодерна / пер. с англ. А. Апполонова; под ред. М. Маяцкого. М.: Территория будущего, 2011. 208 с.
3. Батай Ж. Внутренний опыт / пер. с франц. С. Л. Фокина. СПб.: АХИОМА, 1997. 334 с.
4. Бенвенуто С. Мечта Лакана / пер. с англ. М. Колопотина, В. Мазина, Н. Харченко; под ред. В. Мазина и Г. Рогоняна. СПб.: Алегейя, 2006. 172 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: в 50-ти т. Изд. 2-е. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 42. С. 41-174.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: в 50-ти т. Изд. 2-е. М.: Издательство политической литературы, 1955. Т. 3. С. 7-544.
8. Маркузе Г. Замечания о диалектике // Маркузе Г. Критическая теория общества: избранные работы по философии и социальной критике / пер. с англ. А. А. Юдина. М.: АСТ; Астрель, 2011. С. 139-151.
9. Маркузе Г. Основания исторического материализма // Маркузе Г. Критическая теория общества: избранные работы по философии и социальной критике / пер. с англ. А. А. Юдина. М.: АСТ; Астрель, 2011. С. 151-209.
10. Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2000. 541 с.
11. Фэрклоу Н. Диалектика дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.shtml> (дата обращения: 20.12.2017).

THE PROBLEM OF ALIENATION IN THE MARXIST TRADITION OF HISTORICAL-DIALECTIC DISCURSIVITY

Smirnov Maksim Valer'evich
Cherepovets State University
chsu@chsu.ru

The article is devoted to the problem of alienation and its interpretation in the field of the Marxist dialectical-philosophical tradition. It is shown, in what context the Marxist tradition develops and with what theoretical difficulties it collides in its ascent from classical Marxism to poststructuralist and constructivist concepts. The logic of the development of the Marxist tradition in relation to its non-identity of Hegel's idealistic tradition and the relevance of the Marxist "antithesis" in contemporary social reality are analyzed.

Key words and phrases: historical-dialectical discourse; nominalistic tradition; social alienation; antithesis; discourse-analysis; poststructuralism; schizoanalysis.